

Еще одна исламская революция

Израиль, «Государство Хамасстан» и ближневосточная политика США и России

Алек Эпштейн

Прошедшие 25 января 2006 г. вторые выборы в Палестинский Законодательный совет стали сенсационной уже хотя бы потому, что они состоялись. После того, как ХАМАС бойкотировал выборы председателя Палестинской национальной администрации (ПНА) 9 января 2005 г., на которых был избран преемник скончавшегося незадолго до этого Я. Арафата, и от сектора Газа, где проживает более трети всех палестинских арабов, на пост главы Палестинского «государства в пути» не выдвинулся никто, казалось, что парламентские выборы на палестинских территориях обречены на провал. Не без оснований можно было предположить, что ни к чему хорошему эти выборы привести не могут — ни с точки зрения нынешнего руководства ПНА, повсеместно обвиняемого своими согражданами в коррумпированности и предательстве интересов «простого народа» во имя личного благополучия и обогащения, ни с точки зрения руководства Израиля. Последнее было вынуждено вновь, как и десять лет назад, согласиться на крайне неприятный для себя шаг,

а именно на голосование жителей Восточного Иерусалима, еще в конце июня 1967 г. объявленного частью суверенной территории Государства Израиль, на выборах — бессмысленно отрицать это — в органы власти другого государства. Это было вдвойне неприятно для Израиля, учитывая, что на всем протяжении вот уже почти сорокалетней истории палестинские арабы Восточного Иерусалима бойкотируют проводимые Израилем муниципальные выборы. При этом на 6 мест в Палестинском Законодательном совете, выделенных для иерусалимских арабов, претендовали 39 кандидатов [Center Elections Commission — Palestine 2006]. До последнего момента казалось, что, не будучи заинтересованными в проведении этих выборов, руководители Израиля и ПНА, так или иначе, найдут более или менее элегантный способ их сорвать. ПНА — не Великобритания, не США и не Израиль, за 12 лет ее существования выборы в Законодательный совет состоялись всего один раз (в январе 1996 г.). В связи с этим не было оснований рассчитывать, что нынешняя кампания принесет

действующему руководству Израиля и ПНА какие-либо дивиденды.

Пожалуй, единственной силой, которая настаивала на этих выборах, была администрация США, движимая буквально таки мессианской идеей всеобщей демократизации, которая спасет человечество. Требование о проведении «свободных и демократических выборов» в ПНА было включено американцами в текст обнародованной ими весной 2003 г. «Дорожной карты» [см. полный текст этого документа в переводе на русский язык: Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе 2004: 64–72].

Идея о том, что повсеместно проводимые, более или менее свободные и демократические выборы служат панацеей едва ли не от всех политических проблем современного мира, является краеугольной основой американской дипломатии вообще и на Ближнем Востоке в частности. Не случайно едва ли не любимой книгой Дж. Буша-младшего стала работа Н. Царанского «Дело демократии» [см.: Rosenberg 2004]; 11 ноября 2004 г. президент США принял ее автора в Овальном кабинете Белого дома. Можно лишь удивляться тому, что масштабные успехи исламистов в ходе всеобщих выборов в таких странах, как Алжир, Турция, Египет, Ливан, Иран и даже оккупированный американцами Ирак, не поколебали веру администрации Соединенных Штатов в правильность избранного ею пути. По непонятным причинам Госдепартамент США убежден в том, что большинство палестинцев хотят мира с Израилем (об этом К. Райс недвусмысленно заявила даже после оглашения итогов выборов [Rice 2006]), очевидно, надеясь, что вместо погрязших в злоупотреблениях властью боевиков ФАТХа к власти в ПНА в ходе

выборов придут, как минимум, политические наследники М. Ганди. Как это ни удивительно, вполне реальная возможность того, что широкие слои палестинского социума сделают выбор в пользу радикальных исламистов, не признающих само существование Государства Израиль, даже не рассматривалась ни в Госдепартаменте США, ни в Евросоюзе, ни в правительстве Израиля.

Однако общая тенденция воинствующей исламизации не обошла и палестинские территории. Американские иллюзии о том, что демократический процесс неизбежно приводит к власти умеренных политиков, с симпатией относящихся к ценностям свободы и либерализма, разбились о жесткую реальность Западного берега и Газы. В ходе едва ли не самых демократичных на Ближнем Востоке выборов к власти пришел ХАМАС. Хотя Палестинское государство еще не создано, ПНА никак не может считаться «автономией» в составе Израиля, подобно тому, как Южная Осетия не может считаться автономией в составе Грузии, а Приднестровье — в составе Молдовы. Самостоятельное палестинское квази-государственное образование уже существует. Таким образом, ХАМАС стал первой из фракций «Мусульманского братства», которой удалось взять власть в своей стране.

29 января 2006 г. Центральная избирательная комиссия ПНА опубликовала окончательные официальные результаты парламентских выборов. ХАМАС получил в парламенте 74 места, ФАТХ — 45. Все остальные политические силы остались далеко позади: Народный фронт освобождения Палестины — 3 места, список «Альтернатива» (за ним стоял Демократический фронт освобождения Палестины) — 2, список «Независимая Палестина» (блок М. Баргути и независимых кандидатов) — 2,

движение ненасильственного сопротивления «Третий Путь» — тоже 2 места. Четыре места получили кандидаты, считающиеся независимыми. Как и на выборах в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации в 1993–2003 гг., половина членов Палестинского Законодательного совета избиралась по округам, а другая половина — по партийным спискам. Показательно, что в голосовании по партийным спискам ХАМАС обогнал ФАТХ лишь на одно место (29 против 28), но вот по округам — более чем в 2,5 раза (45 против 17) [Center Elections Commission — Palestine 2006].

Перед Израилем, да и не только перед ним, встал вопрос о выборе наиболее адекватной стратегии действий в сложившейся непростой ситуации. Представляется, что события могут развиваться по пяти различным сценариям.

Приход к власти в ПНА сил, которые в Израиле воспринимаются только и исключительно как террористические, может резко усилить позиции тех, кто утверждает, что у Израиля нет и в обозримом будущем не будет обремененного властными полномочиями партнера по мирному урегулированию конфликта. И, как следствие, Израиль должен самостоятельно, более или менее в одностороннем порядке (при согласовании почти исключительно с администрацией

США) определить контуры своих восточных границ. Если наибольшее развитие получит данная тенденция, то интервал между вторым и третьим этапами «одностороннего размежевания» будет значительно короче, чем интервал между этапом первым (полный уход Израиля из Южного Ливана в мае 2000 г.) и вторым (вывод израильских поселений и сил из сектора Газа и Северной Самарии в августе 2005 г.*). В этом случае «разделительный забор» между Израилем с запада и мало понятно чем — с востока (ибо не все территории, и даже не большая их часть, между забором и Иорданией находятся под контролем ПНА) в самом скором будущем станет контуром восточной границы Государства Израиль. В пределах Государства Израиль окажутся, таким образом, все пять наиболее крупных из созданных на Западном берегу Иордана еврейских поселений (Маале-Адуммим, Модииин-Илит, Бейтар-Илит, Ариэль и Гиват-Зеэв), а также район Гуш-Эцион. Большая же часть остальных поселений, в которых проживают в совокупности десятки тысяч человек, будет Израилем оставлена. О намерении двигаться именно по этому пути заявил и.о. премьер-министра Израиля Э. Ольмерт в нескольких своих интервью в марте 2006 г. Между Израилем и «государством Хамасстан» не будет подписан мирный договор, как нет его меж-

* Вывод израильских сил из Южного Ливана, осуществленный правительством Э. Барака, не назывался в то время «односторонним размежеванием» (этот термин вошел в обиход позднее), однако, по сути, был таковым, поскольку проводился вне какого-либо политического диалога с правительством Ливана. Именно после вывода израильских сил из Ливана ближайшие соратники Барака Г. Шер и У. Саги сформулировали план одностороннего вывода израильских сил с большей части территории Западного берега и Газы [см.: Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе 2004: 149–170], позднее получивший название «размежевание». Этот план был частично реализован правительством А. Шарона. — *Прим. авт.*

ду Израилем и Ливаном, равно как и между Израилем и Сирией. Однако это не мешает поддержанию более или менее устойчивого статус-кво в межгосударственных отношениях, обеспечивающего не такую уж и маленькую степень стабильности на северной границе Израиля.

Существует и другая возможность, в соответствии с которой новообразуемое «государство Хамасстан» будет включено американцами во всемирную «ось зла», по отношению к которой оптимальной дипломатической доктриной считается доктрина силового давления. Здесь возможны два варианта развития событий: условно говоря, их можно сравнить с политикой США в отношении режима талибов в Афганистане и режима С. Хусейна в Ираке.

Как известно, американцы добились отстранения от власти мулл из движения «Талибан» преимущественно путем бомбардировок с воздуха, практически не привлекая сухопутные войска. Израиль имеет большой опыт «точечных ликвидаций» лидеров ХАМАСа в ходе авиабомбардировок (именно таким образом в 2004 г. оборвалась жизнь отцов-основателей организации А. Ясина и А. эль-Рантиси) и может вернуться к этой практике, применив ее в отношении нынешних палестинских «народных избранников», с целью обезглавить новый режим и тем самым свергнуть его.

Иной вариант развития ситуации предполагает применение «иракского сценария», который предусматривает оккупацию палестинских территорий израильскими сухопутными войсками и передачу основных властных полномочий израильской военной администрации. Впрочем, бесперспективный двадцатисемилетний опыт израильского контроля над Западным берегом и Газой в период между Шестидневной войной и созданием ПНА, равно как и

крайне неудачный эксперимент трех последних лет американского правления в Ираке, не свидетельствуют в пользу целесообразности движения по этому пути.

Четвертый возможный сценарий — игнорирование Палестинского Законодательного совета и сформированного им правительства при продолжении и, возможно, даже интенсификации политического диалога с нынешним главой ПНА М. Аббасом (Абу-Мазеном). К такому развитию событий призывают, например, лидер израильской леворадикальной партии МЕРЕЦ член Кнессета Й. Бейлин [Beilin 2005] и видный деятель ФАТХа, член Законодательного совета ПНА С. Эрикат. По мнению последнего, «Организация освобождения Палестины, которую тоже возглавляет М. Аббас, является единственным представителем палестинцев, признанным повсюду, и, следовательно, единственным реальным партнером по переговорам. На ее мандат парламентские выборы не влияют» [Erekat 2006]. Трудно сказать, на чем базируются подобные утверждения, но приближенные Аббаса всячески сигнализируют о готовности продолжать играть ведущую роль в палестинской политике безотностительно к тому, что они потерпели фиаско на выборах.

Пятым — и едва ли не наиболее вероятным — сценарием представляется грядущий, причем уже в скором будущем, распад Палестинской администрации. Не стоит забывать, что финансовая база ПНА (в очень значительной своей части) формируется за счет иностранной финансовой помощи, поступающей не столько от арабских, сколько от западных стран, а также перечислений со стороны Израиля, проводимых в рамках соглашения о «возврате» ПНА подоходного налога, который платят занятые в израильском хозяйстве палес-

тинские рабочие. Основным условием государств-доноров и Израиля было и остается требование о том, чтобы данные средства не попадали в распоряжение террористических организаций. Учитывая превращение ПНА в придаток одной из наиболее непримиримых террористических организаций в регионе, крайне сложно представить, что перевод денег западными странами и Израилем будет продолжен в прежнем объеме. Без этих средств ПНА едва ли сможет выплачивать зарплату 135 тыс. служащих (включая военных), трудоустроенных в ее структурах. Это, в свою очередь, чревато масштабными волнениями и бунтами. Не исключено, что в таком случае Израиль и Иордания (для правитель которой возможная коалиция ХАМАСа с местными исламистами представляет ощутимую угрозу их власти) вмешаются в происходящее, организовав, так или иначе, переворот на Западном берегу с целью вернуть бразды правления хорошо знакомой им «палестинской аристократии» старшего поколения ФАТХа. При этом в секторе Газа ХАМАС вполне может закрепиться, создав на территории менее чем в 400 кв. км едва ли не самый экстремистский город-государство на земле.

После смерти Арафата и ликвидации Израилем шейха Ясина на палестинских территориях нет признанного общенационального харизматичного лидера; Аббас, как отчетливо показало сокрушительное фиаско ФАТХа, таким лидером стать не сумел. В этих условиях вполне вероятно начало крупномасштабной междоусобицы между лидерами боевиков, получившими 25 января 2006 г. депутатские мандаты. Как показывает опыт, причем в самых разных странах, какой-либо политический диалог с такими лидерами практически бесперспективен, поскольку ограниченность влия-

ния и неустойчивость их статуса не позволяют им соблюдать какое бы то ни было из заключенных ими соглашений.

Израильские руководители и спецслужбы на протяжении нескольких десятилетий предпринимали немалые усилия для того, чтобы приблизить смерть Арафата [см.: Брасс 2004]. Следует признать вполне адекватным утверждение Д. Равива и Й. Мелмана о том, что два премьер-министра Израиля «Бегин и Шарон, испытывали животную ненависть к ООП, которую они считали бандой убийц, ставящих своей целью уничтожение Израиля. Бегин открыто сравнивал Ясира Арафата с Адольфом Гитлером» [Равив, Мелман 2000: 316]. В этой ненависти к ООП и ее вождю Бегин и Шарон не были одиноки: впервые Арафат чудом избежал смерти еще в сентябре 1970 г., когда король Иордании Хусейн решил огнем и мечом расправиться с первым «квази-государством», основанным лидером ООП. Второе созданное Арафатом «квази-государство» также просуществовало сравнительно недолго: известное как «Фатхленд» на юге Ливана, оно было фактически ликвидировано Израилем в 1982 г.

За это время Арафат пережил несколько покушений на свою жизнь, как минимум, одно из которых было совершено в 1973 г. группой израильского спецназа. В группу входил и будущий премьер-министр страны Э. Барак. Ирония судьбы состояла в том, что 27 лет спустя именно Барак возглавил израильскую делегацию на переговорах с палестинцами, которая предложила им наибольшие уступки из всех, на которые когда-либо были готовы пойти израильские представители [см. наиболее подробное и сбалансированное описание саммита в Кемп-Дэвиде: Ross 2004: 650–711; см. анализ: Эпштейн 2004a: 11–67].

После вынужденной эмиграции из Ливана в 1982 г. единственное, что оставалось Арафату, — создать уже даже не «квази-государство», а «правительство в изгнании», само существование которого зависело от милости и расположения властей той страны, где Арафат и его соратники смогли найти пристанище. На долгие 11 лет таким форпостом палестинского «правительства в изгнании» стал Тунис. Ситуация изменилась в октябре 1993 г., когда было неожиданно заявлено о том, что непримиримые и, казалось бы, вечные враги — Израиль и ООП — достигли соглашения о взаимном признании.

С тех пор прошло 11 лет — период, который вполне можно считать третьей попыткой создания Арафатом квази-государственного режима (по-прежнему не совсем там, где хотело бы палестинское руководство, не в Эль-Кудсе (Иерусалиме), Яффо, Хайфе и Беэр-Шеве, но ближе, чем когда-либо к этим городам). Это были трудные годы. Изначально надежды на скорое урегулирование более чем столетнего конфликта перевешивали в глазах большинства израильтян неизбежно связанные с переговорным процессом сложности и уступки. Палестинские арабы, увидевшие свет в конце туннеля после двадцатишестилетней израильской (а жители Газы — еще и девятнадцатилетней египетской) оккупации, были готовы к тому, что на первых этапах «процесса Осло» под их суверенитет перейдет лишь малая часть территории исторической Палестины — примерно 300 кв. км в секторе Газа и 60 кв. км в Иерихонском анклав. Каждая из сторон связывала с начавшимся процессом урегулирования слишком разные надежды. В конечном счете, это и привело сначала к замедлению и кризису «мирного процесса», а затем и к его фактическому краху [Эпштейн 2003: 136–148; Celso 2003].

Вот уже шестой год террористические акты бойцов всевозможных «бригад сопротивления» и атаки израильских ВВС на те или иные палестинские объекты представляют собой едва ли не основной «канал контактов» между сторонами. Смерть Арафата наступила не тогда, когда график переговорного процесса был согласован и начал реализовываться обеими сторонами, когда были сформулированы стратегические и тактические цели сторон в направлении урегулирования конфликта между ними. Напротив, Арафат ушел из жизни в период почти полного вакуума в политическом процессе. Полноценный диалог между израильским и палестинским руководством не был налажен и после его смерти.

Антитеррористические операции «Защитная стена», «Радуга в облаках» и «Дни воздаяния», проведенные израильской армией весной 2002 г. и летом и осенью 2004 г., продемонстрировали полное бессилие палестинской квази-государственности, фактическую неспособность многочисленных силовых структур ПНА защитить даже те территории, которые находятся под ее суверенитетом. Масштабная операция израильской армии 14 марта 2006 г. у тюремного комплекса в Иерихоне, где содержались убийцы министра туризма Израиля Р. Зеэви (1926–2001), закончилась полной капитуляцией палестинцев и арестом лидера Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) А. Саадата и его сообщников. Стало очевидно, что и после победы ХАМАСа возможности боевиков противостоять хорошо организованной регулярной армии весьма ограничены. Израильское командование потребовало от террористов сдаться, в противном случае пригрозив уничтожением, и после криков на весь мир о грядущем массовом суициде Саадат (кстати, избранный 25 января 2006 г. чле-

ном Законодательного совета ПНА) и его приближенные вышли с поднятыми руками. В ближайшие месяцы в Израиле начнется суд над ними.

За годы, прошедшие с начала второй интифады, путь к Палестинскому государству, сам факт создания которого казался делом фактически предрешенным, не стал короче. Напротив, сама возможность обретения палестинскими арабами политической независимости (и ее признания международным сообществом) вызывает в настоящее время большие сомнения. За последние пять с лишним лет под контроль палестинцев не было передано каких-либо территорий, а место доктрины Осло заняла концепция, гласящая, что в палестинском руководстве у Израиля нет партнера, с которым можно было бы двигаться рука об руку к мирному урегулированию. Нельзя сказать, что Арафат оставил после себя совсем уж выжженную землю, но трудно не признать, что как его соратники и политические наследники, так и оказавшиеся ныне у власти противники, находятся едва ли не в более сложном положении, чем в начале процесса Осло 14 лет назад.

Арафат стоял во главе ООП на протяжении 35 лет, а во главе ФАТХа — почти 40. Из всех палестинских лидеров лишь Ф. Каддуми имеет столь длительный послужной список, однако он — единственный из ныне живущих основателей ФАТХа — не принял соглашений Осло и так ни разу и не побывал на территориях, переданных под контроль Палестинской администрации, находясь попеременно то в Дамаске, то в Тунисе. Совершенно очевидно, что какое бы «политическое завещание» Арафата не озвучивали якобы от его имени те из его приближенных, кто находился в парижском госпитале Перси в последние дни его жизни (а именно так была озвучена весть о

Каддуми как желательном наследнике Арафата), человек, живущий за пределами ПНА, не сможет, даже если захочет, стать ее признанным лидером. Хотя, возможно, именно он, в силу своего радикализма, но при этом принадлежности к ФАТХу, мог бы стать в каком-то смысле компромиссной фигурой.

Вполне вероятно, что в обозримой перспективе сектор Газа и Западный берег превратятся в два обособленных анклава, в каждом из которых будет править свое политическое руководство. Подобные прецеденты в истории мусульманского мира случались, как минимум, дважды. После раздела Индии британцами в 1947 г. Пакистан сравнительно недолго просуществовал как единая страна, состоявшая из двух обособленных анклавов, после чего распался на собственно Пакистан и Бангладеш. Подобным же образом в 1961 г. распалась и созданная Г. Насером Объединенная Арабская Республика, после чего Сирия и Египет вновь стали отдельными суверенными государствами. На сегодня в арабском мире нет государств, части территорий которых были бы разделены другими политическими образованиями, что позволяет предположить возможность распада ПНА на два обособленных анклава.

Следует принять во внимание и социально-демографические различия между этими территориями. Сектор Газа, находившийся в 1949–1967 гг. под военным контролем Египта, никогда не был признан частью суверенной территории этой страны, а его жителям не было предоставлено египетское гражданство. Когда в 1967 г. израильские силы заняли Газу, то 210 тыс. из 350 тыс. жителей сектора (60% всего населения) ютились в лагерях беженцев, созданных под патронажем UNRWA [Morris 1999: 336]. Сегодня сектор Газа является

самой густонаселенной территорией в мире: на 365 кв. км здесь живут около 1,5 млн. палестинских арабов. В основанных в Газе после Шестидневной войны еврейских поселениях в начале 2005 г. проживали почти 8 тыс. человек, однако в августе того же года все они были эвакуированы, а созданные ими населенные пункты разрушены. Ныне в секторе Газа евреев нет совсем.

Ситуация на Западном берегу Иордана — в Иудее, Самарии и Иорданской долине — принципиально иная. До 1967 г. эти территории воспринимались как неотъемлемая часть Иорданского Хашимитского королевства, их жители имели иорданское гражданство [Mishal 1978], а Восточный Иерусалим был даже провозглашен властями «второй столицей» королевства [Зайцева 2004: 108]. Когда в 1967 г. Западный берег был занят израильскими войсками, из 600 тыс. его жителей в лагерях беженцев проживало не более 10% [Morris 1999: 336]. Социально-экономическое положение в городах Западного берега, пусть и не блестящее, значительно лучше, чем в Газе, а уровень поддержки исламского радикального движения ХАМАС значительно ниже. Так, в ходе прошедших в первой половине декабря 2005 г. муниципальных выборов на Западном берегу ХАМАС добился большинства в Дженине (8 мест из 15), Эль-Бире (9 из 15) и Наблусе (Шхеме) (11 из 13), но в фактической столице этого региона — Рамалле, где сосредоточены основные органы власти ПНА, — сумел провести в муниципальный совет лишь трех своих представителей, в то время как остальные 12 мандатов получили представители ФАТХа и Народного фронта освобождения Палестины [см.: Регулар 2005]. Не менее важно и то, что силовые структуры, являющиеся, по сути, остовом Палестинской администрации, в Газе и на Западном

берегу действуют совершенно обособленно, имея разное командование и опираясь на поддержку различных кланов. На протяжении 11 лет Арафат был единственным палестинским лидером, который воспринимался как высший авторитет силовыми и гражданскими структурами, как на Западном берегу, так и в Газе. Весьма сомнительно, чтобы занявший его пост Аббас, фактически изгнанный из Газы по воле тогдашнего главы спецслужб сектора М. Дахлана после подписания соглашения в Уай-плантейшн в 1998 г., сумеет утвердиться как признанный в секторе Газа руководитель. Пока, по крайней мере, возглавляемый Аббасом ФАТХ вчистую проигрывает сектор Газа ХАМАСу.

Осуществленное ближайшими соратниками Арафата разделение его должностей между собой не могло не вызвать разочарование у среднего поколения палестинских руководителей, вынесших на своих плечах основные тяготы первой интифады — той самой, благодаря которой Арафат и его товарищи по оружию смогли триумфально вернуться на палестинские территории в 1993–1994 гг. Совершенно очевидно, что такие лидеры, как Дахлан, Д. Раджуб, М. Рашид, равно как и С. Эрекат, Н. Шаат, С. Нуссейба, Я. Абед-Рабо и даже находящийся в израильской тюрьме М. Баргути, имели основания рассчитывать на увеличение степени своего участия в руководстве ПНА после ухода Арафата из жизни. Раздел политического наследства «отца палестинской нации» между возглавившим ПНА и ООП Аббасом, премьер-министром А. Куреи, ставшим главой ФАТХ Каддуми и спикером Законодательного совета Р. Фаттухом (после недавних выборов он потерял свой пост) не отвечал чаяниям более молодых лидеров, которые фактически контролируют официальные

силовые структуры ПНА и всевозможные партизанские бригады вооруженного сопротивления. В результате ФАТХ на протяжении последнего времени сотрясают внутренние распри. В день проведения муниципальных выборов в декабре 2005 г. «полевые руководители» движения даже отказались бороться за победу на них. В то же время такие политики, как Нуссейба и Абед-Рабо, могли рассчитывать на то, что нацеленное на продвижение к мирному урегулированию палестинское руководство оценит их особые усилия по поиску приемлемых для обоих народов формул мирного разрешения споров и конфликтов. (Под эгидой организации «Национальный призыв» Нуссейба вместе с бывшим командующим ВМФ Израиля и руководителем Общей службы безопасности А. Аялоном сформулировали рамочные принципы двустороннего палестино-израильского мирного урегулирования [см. полный текст этого документа в переводе на русский язык: Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе 2004: 109–114], а Абед-Рабо возглавил группу палестинских общественных деятелей, работавших совместно с командой бывшего министра юстиции Израиля Й. Бейлина над так называемым Женевским соглашением о мерах, необходимых для окончательного завершения конфликта между двумя народами [см.: Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после пере-

говоров в Кемп-Дэвиде и Табе 2004: 115–148].) Отсутствие в сформированном Аббасом руководстве ПНА фактических руководителей силовых структур (М. Арафата, Д. Раджуба, М. Дахлана) ослабило контроль постарафатовского руководства над происходящим. Не оказалось в нем и наиболее последовательных сторонников мирного урегулирования конфликта, что естественным образом снизило шансы на признание палестинской государственности со стороны Израиля и США.

Новое руководство ПНА, имевшее в период с 11 ноября 2004 г. (когда было официально объявлено о смерти Арафата) до 25 января 2006 г. (когда ФАТХ проиграл выборы в Законодательный совет) всю полноту власти, так и не сделало стратегический выбор, проводя весьма непоследовательную политику [Heller 2005]. С одной стороны, президент Аббас и премьер-министр ПНА Курей не объявили об отказе от максималистских требований Арафата ни по вопросу о возвращении беженцев 1948 г. и их потомков, ни по вопросу о контроле над Храмовой горой в Иерусалиме. Они также не предприняли действенных мер для пресечения деятельности экстремистских организаций, что могло бы проложить путь к долгожданному для обоих народов снижению напряженности. За почти 15 месяцев их правления палестинскими террористами-самоубийцами («исламикадзе», по выражению профессора Р. Исразли [Israeli 2003]) было совершено 8 терактов*. Вместе с тем нельзя утверждать, будто Аббас

* 12 декабря 2004 г. в теракте на КПП Рафиях погибли 5 израильтян, 13 января 2005 г. на КПП Карни — 6, 18 января 2005 г. в поселении Гуш-Катиф — 1, 25 февраля 2005 г. в Тель-Авиве — 5, 12 июля 2005 г. в Нетании — 5, 26 октября 2005 г. в Хадере — 6, 5 декабря 2005 г. в Нетании — 5. Жертвами теракта на КПП Джабара 29 декабря 2005 г. стали 1 израильтянин и 4 палестинцев. — *Прим. авт.*

сделал ставку на дальнейшую эскалацию напряженности. Напротив, на саммите в Шарм-аш-Шейхе 8 февраля 2005 г., в котором принимали участие и Аббас, и тогдашний премьер-министр Израиля Шарон, глава ПНА объявил об окончании второй интифады. По его словам, на сотрудничество с движением ХАМАС он пошел только после того, как оно выиграло всеобщие выборы.

Отказ Арафата однозначно встать на идейные позиции исламистов, светских националистов или народников-марксистов способствовал возникновению иллюзии палестинского единства. Как справедливо отмечал израильский политолог Б. Рубин, «Я. Арафат создал этот консенсус, девальвируя достижение государственности как конечной цели. Я. Арафат построил палестинское чувство единства на мифе “воссоздания” идеального палестинского общества, существовавшего до 1948 года, на “праве на возвращение”, на гарантии исчезновения Израиля. Эти цели — которым не суждено быть реализованными — послужили тем средством, которое цементировало палестинский национализм» [Rubin 2004]. Следует особо подчеркнуть, что Арафат разговаривал одновременно на языке собственно палестинского национализма и панарабского исламизма. Исламистские склонности Арафата обеспечивали ему поддержку многих набожных палестинских мусульман, которые отказали в этой поддержке его политическому наследнику Аббасу, политику сугубо светскому.

В связи с этим немаловажную роль будет играть позиция израильского руководства. Нет оснований предполагать, что поддержка Израиля окажет исключительно благоприятное влияние на шансы того или иного палестинского политика добиться лидирующего положения в иерархии власти ПНА. Исторический опыт свидетель-

ствует едва ли не об обратном. Именно те арабские лидеры, которые выражали готовность к мирному сосуществованию с Израилем, пали жертвой убийц: король Иордании Абдалла — в 1951 г., президент Египта А. Садат — в 1981 г., президент Ливана Б. Жмайель — в 1983 г. Неожиданно быстрое сближение с Израилем того или иного палестинского лидера многие его экстремистски настроенные сограждане могут счесть излишним и даже опасным, а обвинение в «сотрудничестве с оккупантами» может стоить ему жизни.

Произошедшее вечером 14 ноября 2004 г., спустя всего три дня после кончины Арафата, покушение на Аббаса, в ходе которого около трех десятков вооруженных боевиков ворвались в траурный шатер, скандируя: «Аббас и Дахлан — американские агенты», и открыли беспорядочную стрельбу (два человека погибли, сам Аббас не пострадал), — очень опасное предзнаменование. Однако это не означает, что израильское руководство должно и дальше следовать странной политике якобы невмешательства во внутренние дела палестинцев. От того, кто будет стоять во главе ПНА или различных ее анклавов, каков будет политический курс этих людей, слишком во многом зависит безопасность и образ жизни граждан Израиля. Правительство еврейского государства, пятую часть жителей которого составляют, кстати, арабские граждане, должно приложить максимум усилий для выработки ясной, аргументированной и долгосрочной программы по взаимодействию с палестинским руководством постарафатовской эпохи. Израиль, будучи региональной державой, не должен плестись в хвосте событий и следовать за всеми поворотами политической линии администрации США. Ему следует проводить собственную политику, нацеленную на

достижение мира и стабильности в регионе на благо всех его жителей. Не только Израиль, но и весь так называемый «цивилизованный мир» должен сформулировать новую политику в отношениях с Палестинской администрацией.

Было довольно легко предсказать, что решение российского руководства пригласить на переговоры в Москву лидеров движения ХАМАС, победившего на выборах, вызовет резко негативную реакцию в Израиле и во многом — в США. Вкратце эту реакцию можно суммировать так: если «Россия не разговаривает с террористами», если «Россия их уничтожает», причем «в сортире», то зачем же она приглашает на переговоры руководителей одной из самых одиозных и кровавых террористических организаций на земле?! Под эгидой израильского правительства был в авральном порядке подготовлен документ, свидетельствующий о связях ХАМАСа с чеченскими боевиками. Брошюру, составленную так называемым Центром особых исследований (информационный проект, который спонсирует организация, созданная в память о погибших израильских разведчиках), открывает заявление о том, что «поддержка ХАМАСом чеченских сепаратистов и их террористических методов не помешала ему немедленно принять недавнее приглашение Путина посетить Москву». Как отметила израильская газета «Jerusalem Post», обнародование этого документа нацелено на то, чтобы в Кремле «поняли истинный характер ХАМАСа: ХАМАС поддерживает терроризм в других частях мира и радикальную джихадистскую программу не только против Израиля, но и во всем мире, в частности в России». В брошюре, в частности, утверждается, что ХАМАС разрешил чеченским террористам использовать свой Интернет-сайт для получения религиозной

санкции на проведение терактов-самоубийств, и что в помещениях ХАМАСа были обнаружены плакаты, CD-диски и фильмы в поддержку чеченских сепаратистов, которые распространялись в образовательных учреждениях на управляемых Палестинской администрацией территориях (например, диск под названием «Российский ад» распространялся в 2003–2004 гг. в Дженине и Хевроне). На одном из плакатов, воспроизведенных в брошюре, изображен основатель ХАМАСа шейх Ясин рядом с лидером чеченским боевиков Хаттабом, убитым в 2002 г., Усамой бин Ладеном и Шамилем Басаевым. Под фотографиями подпись — «Чечня, Афганистан, Балканы, Кашмир, Палестина и Ливан» [Keipon 2006].

Я далек от мысли, что российские дипломаты и уж тем более российские спецслужбы плохо представляют себе истинное лицо ХАМАСа, наивно полагая, будто речь идет об организации, занимающейся исключительно вопросами образования и социального обеспечения. Можно сколько угодно сожалеть о «политике двойных стандартов» по отношению к терроризму (мол, Дж. Дудаева и А. Масхадова «они» ликвидировали, а Х. Машаля и И. Ханфия приглашают на переговоры как уважаемых государственных деятелей), но эту политику ведут, к сожалению, все, в том числе и США, и сам Израиль. Достаточно сказать, что, несмотря на многочисленные теракты, совершенные боевиками «Бригад мучеников аль-Аксы», движение ФАТХ, к которому эти бригады относятся, так и не было отнесено к числу террористических. Более того, израильтяне (и американцы) надеялись на победу ФАТХа на палестинских выборах, рассматривая подобный сценарий развития событий как позитивный. И это при том, что только в последние годы боевиками ФАТХа были совершены масштабные теракты в

иерусалимском районе Бейт-Исраэль (2 марта 2002 г., погибли 11 человек), на старой Центральной автобусной станции в Тель-Авиве (5 января 2003 г., погибли 22 человека) и в автобусе № 19 в Иерусалиме (29 января 2004 г., погибли 11 человек). Самым популярным на палестинских территориях лидером ФАТХа, занимавшим, кстати, первое место в списке этой организации на выборах в Палестинский Законодательный совет, является Баргути, отбывающий пять пожизненных сроков в израильской тюрьме по обвинению в организации и непосредственном руководстве рядом терактов. Несмотря на это, никто не требует бойкотировать руководство ФАТХа. Напротив, сами израильские руководители поддерживают с ним и политический диалог, и коммерческие отношения.

Газета «New York Post» в редакционной статье, опубликованной 13 февраля 2006 г., саркастически советует президенту Бушу «пригласить делегацию чеченских боевиков, чтобы они отдохнули от убийств школьников и нанесли визит в Белый дом для проведения переговоров на высшем уровне». «Российскому президенту Владимиру Путину это наверняка не понравится, — провидчески замечают авторы передовицы. — Он, скорее всего, будет даже взбешен — так же, как сейчас возмущены Израиль и Америка после приглашения Путиным лидеров “Хамаса” на переговоры в Кремль» [Putin Toys with Terror 2006].

Израильские и американские руководители действительно возмущены, хотя совершенно непонятно, что именно они собираются делать сами в свете итогов палестинских выборов. В связи с этим особого внимания заслуживает статья влиятельного израильского военно-политического комментатора З. Шифа, опубликованная 12 февраля 2006 г. в ведущей газете

страны «Ха'арец». Шиф выдвинул поистине удивительный тезис: оказывается, «приглашая для переговоров лидеров ХАМАСа, Россия похоронила “Дорожную карту”». Это, что называется, — высший пилотаж оруэлловского мышления.

На наш взгляд, Шиф прав в следующем утверждении: «впервые опубликованная 30 апреля 2003 года, “Дорожная карта” однозначно устанавливает, что решением ближневосточной проблемы является мирное сосуществование двух соседних государств — Израиля и Палестины. Такое решение может быть достигнуто только при полном прекращении террора и насилия (что, в свою очередь, может получиться только в результате энергичных антитеррористических мероприятий со стороны руководства Палестинской Администрации)». Прав он и в том, что «России прекрасно известно, что ХАМАС категорически возражает против подобного развития событий. Иными словами, “Дорожная карта” ему совсем не по душе и выполнять ее он не собирается» [Шиф 2006]. Однако следует ли из этого, что, как пишет Шиф, «с упорством, достойным лучшего применения, русские все-таки решили провести встречи с ХАМАСом на государственном уровне и тем самым поставить самих себя в противоречие с “Дорожной картой”»? Думаю, что нет.

В проблемах «Дорожной карты», срок действия которой, кстати, был ограничен 2003–2005 гг., виновата не российская дипломатия, а сама «Дорожная карта». В этом, с нашей точки зрения, полном внутренних противоречий документе, в частности, говорилось, что уже на первом этапе «как можно скорее, ... в контексте открытого обсуждения и прозрачного отбора кандидатов в ходе свободного многопартийного процесса, палестинцы проведут открытые и честные выборы» [Программы

урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе 2004: 68]. Выборы, соответствующие этим требованиям, проведены, и едва ли Россия виновата в том, что их выиграл ХАМАС.

Позволю себе процитировать фрагмент своей собственной статьи, опубликованной московским Институтом изучения Израиля и Ближнего Востока еще весной 2004 г.: «Можно ли быть уверенными, что на свободных палестинских выборах не победят “Хизбалла” и “Исламский джихад”?» — спрашивал я тогда и продолжал: «Авторы-составители “Дорожной карты” исходят из предпосылки, что там, где проводятся демократические выборы, обязательно побеждают либералы. Но, зная настроения на палестинских территориях, можно с уверенностью сказать, что либеральные и ориентированные на мирное урегулирование партии и движения в настоящее время едва ли добьются там успеха. Попытка навязать западное мировоззрение совершенно иному обществу, имеющему другую политическую культуру, и надежда, будто это сработает, — большая ошибка» [Эпштейн 2004б: 24].

К сожалению, эта ошибка была сделана, и 18 февраля 2006 г. в Рамалле, менее чем в четверти часа езды от столицы Израиля Иерусалима, собрался парламент, большинство членов которого призывали и призывают к уничтожению Государства Израиль. Увы, навязав сторонам «Дорожную карту», Госдепартамент США не предусмотрел возможностей «аварийного выхода» из нее. Не контактировать с палестинским руководством Израиль не может. Это для России тема отношений с ХАМАС — вопрос выбора, для Израиля же вопрос стоит иначе. Нравятся израильскому руководству палестинские лидеры или

нет — переплетение судеб двух народов обязывает их так или иначе взаимодействовать между собой.

Не Россия привела к власти ХАМАС, а та самая «Дорожная карта», в верности которой всеми правдами и (скорее) неправдами клянутся государственные деятели Израиля и США. В конце февраля 2006 г. партия «Кадима» (созданная бывшим премьер-министром Израиля Шароном) обнародовала программу, в которой, в частности, говорится: «Существует национальный, региональный и международный консенсус в отношении того, что “Дорожная карта” является единственной политической программой, позволяющей достичь реального прогресса на пути к полному мирному урегулированию». В это трудно поверить, но факт остается фактом: два месяца спустя после оглушительной победы ХАМАСа на выборах в Палестинский Законодательный совет, позволившей исламским радикалам, не признающим право Израиля на существование в каких бы то ни было границах, сформировать однопартийное правительство, израильское руководство все еще верит в то, что существует бумага, которая позволит «достичь реального прогресса на пути к полному мирному урегулированию» между Израилем и палестинскими арабами.

Израильские руководители вновь и вновь отдают словесную дань «Дорожной карте», которой их планы очевидным образом противоречат. Выступая в конце января 2006 г. на Герцлийской конференции, и.о. премьер-министра Э. Ольмерт назвал выполнение плана «Дорожная карта» «единственным способом достижения поставленных целей». Целей, предусматривающих не согласованное движение навстречу, а исключительно новое «одностороннее размежевание»... И это притом, что

в «Дорожной карте» нет ни слова об «односторонних» шагах и размежевании, а, напротив, всячески акцентируется необходимость израильско-палестинского сотрудничества и реализации согласованных шагов.

Можно предположить, что до окончания срока президентских полномочий Буша упоминание приверженности идеалам «Дорожной карты» будет неотъемлемым компонентом «политически корректного» языка, вне зависимости от того, что собственно происходит на Ближнем Востоке. Попытка установления «демократии сверху», инициированная «Дорожной картой», уже привела к власти в Палестинской администрации ХАМАС. Что еще должно произойти, чтобы прекратился всеобщий самообман, утверждающий, будто «Дорожная карта», и только она, приведет к миру в регионе?

На самом деле нужны новая повестка дня и новые идеи. Как привести лидеров ХАМАСа к пониманию того, что Израиль в тех или иных границах — это надолго, что Израиль — это навсегда? Именно такой позиции от российских переговорщиков в праве ожидать руководители еврейского государства. И если сотрудники МИД России смогут добиться от лидеров ХАМАСа подобной ментальной трансформации (которую, кстати, до них прошло и ведомое Арафатом руководство ФАТХа), это будет их лучшим вкладом в воскрешение «Дорожной карты». Хочется верить, что как раз такой позиции придерживаются представители МИД

России, занятые на переговорах с представителями ХАМАСа.

На наш взгляд, авторы передовицы в «New York Post» зря ерничают: было бы очень хорошо, чтобы кто-нибудь из зарубежья подобным же образом помог налаживанию диалога президента России с лидерами чеченских сепаратистов. Война — всегда война, что на Ближнем Востоке, что на Северном Кавказе, и чем быстрее она закончится, тем лучше. И здесь, и там.

Выборы в ПНА должны стать «красной лампочкой» для всех, кто связывал с демократизацией надежды на мирное урегулирование. Очевидно, что если бы, например, президент Садат и король Хусейн, руководствуясь демократическими принципами, провели в своих странах референдумы по поводу нормализации отношений с Израилем, мирные договора между Египтом, Иорданией и еврейским государством никогда не были бы подписаны. Главный урок палестинских выборов состоит в том, что для движения в сторону мира нужно, чтобы с арабской стороны процесс возглавил сильный и волевой политик, который был бы заинтересован в таком движении и не обращал бы внимания на то, что большинство его соотечественников относится к подобному развитию событий крайне отрицательно. При этом такой политик должен очень внимательно относиться к обеспечению собственной безопасности, дабы не повторить судьбу эмира Абдаллы I, Садата, Жмайеля и Рабина, погибших от рук экстремистов и фанатиков.

примечания

Брасс А. 2004. Между Лейниним и Арафатом. М.: Русь-Олимп; ОЛМА-ПРЕСС.

Зайцева О.А. 2004. Проблема Иерусалима в палестино-израильском конфликте и в международных отношениях // Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе. 2004. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Равив Д., Мелман Й. 2000. История разведывательных служб Израиля / Пер. с англ. М.: Международные отношения.

Регулар А. 2005. Перед всеобщими выборами в ПНА: крупная победа ХАМАСа на муниципальных выборах на Западном берегу // «Ха'арец», 16.12 [на иврите].

Шиф З. 2006. Россия похоронила «Дорожную карту» // «Ха'арец», 12.02 [на иврите].

Эпштейн А.Д. 2003. Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке. Киев: Дух и литера.

Эпштейн А.Д. 2004а. Опыт

прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта // Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Эпштейн А.Д. 2004б. Три года после Кемп-Дэвида и Табы: новые поиски путей урегулирования палестино-израильского конфликта // Программы урегулирования палестино-израильского конфликта. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Beilin Y. 2005. Help Abbas Succeed // «The Washington Post», 14.01.

Celso A.N. 2003. The Death of the Oslo Accords: Israeli Security Options in the Post-Arafat Era // «Mediterranean Quarterly», vol. 14, № 1.

Center Elections Commission — Palestine 2006. The Second PLC Elections. The Final Distribution of PLC Seats. Press-release, 29.01.

Erekat S. 2006. What the P.L.O. Has to Offer // «The New York Times», 01.03.

Heller M.A. 2005. The Election of Abu Mazen and the Next Stage in Israeli-Palestinian

Relations // «Strategic Assessment», vol. 7, № 4.

Israeli R. 2003. Islamikaze; Manifestations of Islamic Martyrology. L.: Frank Cass.

Keinon H. 2006. Israel Uses Hamas — Chechen link // «Jerusalem Post», 13.02.

Mishal S. 1978. West Bank, East Bank. The Palestinians in Jordan, 1949–1967. New Haven: Yale University Press.

Morris B. 1999. Righteous Victims. A History of the Zionist–Arab Conflict, 1881–1999. N.Y.: Alfred Knopf.

Putin Toys with Terror. 2006 // «New York Post», 13.02.

Rice C. 2006. Statement on Palestinian Elections // Remarks at the World Economic Forum in Davos, Switzerland, 26.01; published by the US State Department: <http://www.state.gov/secretary/rm/2006/59870.htm>

Rosenberg J.C. 2004. Two Great Dissidents. Natan Sharansky's Vision, and President Bush's // «National Review», 19.11.

Ross D. 2004. The Missing Peace. The Inside Story of the Flight for Middle East Peace. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux.

Rubin B. 2004. After Arafat // «Middle East Forum», vol. 11, № 2.